

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1957.1.04>

ЛУИ АРАГОН В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

(1934—1939)

И. Ф. СОЛОМЫКОВ

Проблема генезиса социалистического реализма — одна из важнейших и актуальнейших проблем советского литературоведения. Исследование генезиса нужно не только для истории реализма, но и для глубокого понимания сущности нового метода, для разработки его теории. Научно познать сущность явления, подчеркивал В. И. Ленин «это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».¹

Естественно, что началом изучения особенностей становления социалистического реализма в национальных литературах должно быть исследование формирования самого метода и теоретических представлений о нем у отдельных писателей. С этой точки зрения большой интерес представляет творчество крупного французского писателя-коммуниста Луи Арагона, успешно идущего по пути социалистического реализма.

Общепризнан вклад, сделанный Арагоном в теорию социалистического реализма. В этой статье мы остановимся на основных теоретических представлениях Арагона о социалистическом реализме в середине 30-х годов.

30-е годы — во многих отношениях примечательный и важный по своим последствиям этап в развитии французской прогрессивной литературы.

В жизни Франции это было бурное, насыщенное большими событиями и необычайно острой социальной борьбой десятилетие. Мировой экономический кризис, разразившийся с огромной силой на фоне общего кризиса капитализма, потряс до основания всю капиталистическую систему. Во Франции он начался с 1930 года и носил особенно затяжной характер. Резко обострились все противоречия капитализма. Крупная буржуазия искала выхода из кризиса в наступлении на жизненный уровень трудящихся и в подготовке к войне. Чтобы осуществить свой идеал, по словам М. Тореза: жить в мирное время по-военному, господствующая верхушка подготавливала установление фашистской диктатуры. В феврале 1934 года французские фашисты организовали путч, рабочие Франции дали им решительный отпор. Слепленные классовым эгоизмом и классовой ненавистью, в страхе перед своим народом, реакционеры с надеждой смотрели на гитлеровский фашизм. Предавая национальные интересы, они поощряли интервенцию в Испании, проводили т. н. мюнхенскую политику «умиротворения» агрессора. Результатом антинародной, антинациональной внешней и внутренней политики господствующего класса был военный разгром Франции в 1940 году, гитлеровская оккупация и режим Виши.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

Лишения и страдания, которые принес с собой кризис трудящимся, наступление капитала и реакции, опасность войны вызвали быстрый подъем рабочего движения, рост политической сознательности и активности трудящихся.

Компартия Франции, руководя контрнаступлением рабочего класса, повела борьбу за создание в стране антифашистского Народного фронта. Народный фронт, в котором вокруг рабочего класса сгруппировались и другие слои народа, был проявлением не только политического, но и национального самосознания народных масс, выражением их желания взять судьбу страны в свои руки. На выборах в парламент в апреле 1936 года он одержал решительную победу над силами реакции.

Коммунистическая партия разоблачала политику потворства гитлеровской агрессии, помогала народу осознать угрозу национальной независимости Франции. Подлинно патриотическая линия коммунистов подготовила французский народ к Спротивлению.

Развитие событий в стране вызвало резкое обострение идеологической борьбы. Вновь ускоряется процесс идейно-политического размежевания писателей, несколько заторможенный иллюзиями, порожденными частичной стабилизацией капитализма в середине 20-х годов. «С кем вы, мастера культуры?» — устами Горького спрашивала история. Часть писателей — в том числе Р. Роллан, Л. Арагон, Ж. Р. Блок — ответили на этот вопрос, связав свою творческую судьбу с борьбой рабочего класса.

А. Барбюс, Р. Роллан, П. Вайян-Кутюрье выступают инициаторами и организаторами движения интеллигенции в союзе с рабочим классом против войны и фашизма, в защиту культуры. Наибольший размах это движение получает в годы Народного фронта. В то же время революционные писатели борются за утверждение в прогрессивной литературе революционной идейности, реализма и народности, чтобы превратить ее в действенное оружие борьбы за интересы народа.

Провозглашение на первом съезде советских писателей эстетической программы советской литературы, определение ее основного художественного метода, оказали огромное влияние на дальнейшее развитие борьбы за реализм в прогрессивной литературе Франции.

Причины этого коренились, в первую очередь, во французской действительности, в самом развитии прогрессивной литературы. Зарождение нового, т. е. социалистического реализма, во французской литературе началось еще в период первой мировой войны в творчестве А. Барбюса, как исторически-закономерное явление, свойственное новой эпохе, порожденное историческими сдвигами во всей жизни Франции.

В 30-е годы формирование элементов нового художественного метода усиливается. Главной социальной основой для этого был подъем рабочего движения, борьба народных масс, возглавляемая компартией.

Принципиальным художественным новаторством отмечены последние книги «Очарованной души» (1931—1933) Р. Роллана, отдельные черты социалистического реализма выкристаллизовываются в «Запрещенной демонстрации» (1934) Л. Муссинака и «Базельских колоколах» (1934) Л. Арагона. Словом, налицо были настойчивые творческие поиски новой эстетической системы, нового художественного метода в плане дальнейшего развития реализма.

Книга Барбюса «Золя» (1932), в которой он стремился определить перспективы создания новой, связанной с пролетариатом и его идеологией литературы и черты нового реализма, была также проявлением этих поисков. В ней он близко подошел к концепции социалистического реализма.

Таким образом, социалистический реализм в своей методологической основе отвечал назревшим потребностям развития французской литературы, устремлениям революционных писателей.

От имени Ассоциации революционных писателей Франции Арагон заявил с трибуны съезда: «Наша ассоциация сумеет выразить в национальных условиях французской культуры лозунг социалистического реализма, брошенный советскими писателями не только в масштабе национальностей СССР, но и в масштабе национальностей всего земного шара!»² В корреспонденциях Арагона и В. Познера со съезда, в обращении по радио А. Барбюса из Москвы к зарубежным писателям, в передовой журнала «Коммюнь» — в первых откликах революционных писателей на съезд — красной нитью проходит та же мысль. «За исключением того, что является в нем (социалистическом реализме — И. С.) специфически советским, он предлагает нам пример и выход», — выразился лаконично Вайян-Кутюрье.³

Во Франции началась острая идейно-теоретическая борьба вокруг проблем социалистического реализма, развернулись дискуссии в рядах прогрессивных писателей, «получившие одновременно оттенок классовой борьбы и борьбы за национальную независимость»⁴.

Теоретическая концепция нового реализма во Франции в середине 30-х годов вырабатывается усилиями А. Барбюса, П. Вайян-Кутюрье, Л. Арагона, Л. Муссиака, Р. Роллана, Ж. Фревиля.

Как получилось, что Арагон, еще недавно, в 1930—1931 гг., безуспешно пытавшийся примирить сюрреализм с марксизмом, поставить сюрреализм «на службу революции», стал убежденным поборником и пропагандистом социалистического реализма и в романе «Фешенебельные кварталы» (1936) в значительной степени осуществил его принципы в художественной практике?

Основным фактором формирования его революционного мировоззрения в целом и быстрой и коренной ломки эстетических представлений Арагона была великая школа жизни, школа борьбы совместно с рабочим классом под руководством Коммунистической партии. Эту школу он проходил в условиях 30-х годов, когда рабочее движение Франции и деятельность Коммунистической партии поднялись на новый уровень.

Арагон начал глубоко, по-новому узнавать свой народ, рабочий класс Франции. На многочисленных фактах он убеждался в творческой роли масс в истории. Он наблюдал строительство социализма в СССР, что нашло отражение в книге стихов «Ура, Урал» (1934). Он был на улицах во время боев парижского пролетариата с фашистами, видел героизм, сознательность французских рабочих, — то, что делает рабочий класс авангардом народа, носителем будущего.

«Самому возвышенному, — с особым чувством говорил Арагон в 1937 году, — я научился у французских рабочих... Я не стыжусь признать в них моих учителей французского языка, не в мелочно-школьном понимании этого слова, но в ином, великольном понимании исторического опыта... Они — мои учителя французского языка и потому, что в них находит свое выражение наш народ, чистый народный язык и тот рабочий авангард, чья философия сливается с жизнью и действительностью».⁵

² Арагон, Речь на первом съезде советских писателей. «Правда», 1934, 27 августа.

³ Vaillant-Couturier, Litterature libre d'un pays libre. Commune, 1934, 13—14, p. 3.

⁴ Арагон, Речь на II съезде советских писателей. «Литературная газета», 1954, 30 декабря.

⁵ Арагон, Речь на Втором международном конгрессе писателей. «Интернациональная литература», 1937, 12, стр. 187.

Будучи одним из руководителей журнала «Коммюн» (с 1933 г.) и генеральным секретарем организации «Домов культуры» (с 1934 г.), Арагон ведет упорную и повседневную борьбу за сплочение прогрессивной интеллигенции вокруг рабочего класса, в защиту и процветание передовой культуры. Неотъемлемой частью этой борьбы была литературно-критическая и публицистическая деятельность писателя. Социальная практика помогала Арагону органически усваивать революционную теорию, оплодотворяла и его творческую деятельность.

Быстрый рост Арагона как писателя нового типа был бы невозможен без постоянного плодотворного, формирующего воздействия из него идей и творчества Вайяна-Кутюрье, Барбюса, Роллана. Особое значение при этом имело длительное сотрудничество (в «Коммюн») и дружба с Вайяном-Кутюрье, замечательным писателем и профессиональным революционером, видным руководителем Коммунистической партии Франции.

Идейному росту Арагона в большой степени способствовало также пристальное изучение советской действительности и опыта советской литературы. В сознании его оставили большой след, переплавились, доклад Горького и речь Жданова на съезде советских писателей, выступление Димитрова перед советскими писателями в 1935 г.

Такими путями формировалось в Арагоне новое, коммунистическое мировоззрение, партийности взглядов и деятельности, в результате чего и стал возможным принципиально новый подход Арагона к эстетическим вопросам, к творчеству, его борьба за партийную литературу в ленинском понимании.

Сказанное не означает, конечно, что процесс формирования новых представлений, особенно эстетических, был легок и прямолинеен. Наоборот, он сопровождался борьбой между старым и новым в сознании и художественной практике писателя. Пережитки буржуазной идеологии и эстетики еще оставались и проявлялись в его творческой деятельности.

Первым существенным вкладом Арагона в эстетику социалистического реализма были его публичные выступления в первой половине 1935 года, опубликованные затем в виде сборника под знаменательным названием «За социалистический реализм» (1935). Этот сборник, положивший, по замечанию «Юманите», начало теоретической дискуссии о социалистическом реализме, яркий документ его истории во Франции.

Несколько слов об особенностях и стиле этих выступлений. Они публицистичны в лучшем смысле слова. Арагон со страстной убежденностью излагает свои идеи, доводы, соображения, одни лишь намечая, другие развертывая. Это не изложение отстоявшихся, до конца выкристаллизовавшихся истин, положений, выводов. Они здесь — в становлении. Арагон полемизирует с инакомыслящими, разоблачает буржуазную литературу, антинародные эстетические взгляды «рафинированных» литераторов. На всех его выступлениях лежит отпечаток острой идеологической борьбы, открытой связи автора с рабочим классом, с борьбой за революционную перестройку общества.

Характерной особенностью выступлений является и постоянное обращение Арагона к своему «прощанию с прошлым» — к примеру собственной эволюции как писателя. Осознавая, объясняя ее, отрицая и критикуя прошлые идейные и эстетические позиции, Арагон тем самым еще решительнее утверждает на новых. Словом, все это незаменимый материал, показывающий также и сам процесс становления Арагона как писателя нового типа.

В этих выступлениях нет еще стройной и последовательной концепции социалистического реализма как художественного метода. Арагон обращается к определенному кругу эстетических вопросов, уже давно являю-

щихся объектом ожесточенной борьбы между прогрессивными и буржуазными писателями, объектом длительных дискуссий в самой прогрессивной литературе. Основными среди них были: литература и современная действительность, общественная роль писателя, культурное наследство, традиции и новаторство и, конечно, реализм. Арагон стремится раскрыть эти коренные проблемы литературы с марксистских позиций, дать им революционное истолкование и, в конечном итоге, показать, что на современном этапе они получают свое наиболее правильное — объективное — разрешение в социалистическом реализме.

Наиболее полным выражением позиции Арагона была его речь на Международном конгрессе писателей в защиту культуры (Париж, июнь 1935 г.) «Возвращение к действительности», которую он в 1938 году охарактеризовал как свой «символ веры» («profession de foi»). Мы будем обращаться и к другим его выступлениям.

Необходимо уже сегодня преодолеть разрыв между литературой и жизнью, между писателем и народом, порожденный капиталистическим обществом, — неустанно повторяет Арагон, — только тогда литература займет надлежащее место в обществе, сумеет выполнить свою специфическую общественную функцию. Возвращение к действительности — вот требование современности.

«В час, когда буржуазия отказывается от всего, что было светлого в ее программе первых времен, когда, чтобы сохранить свое кровавое господство, она сбрасывает маску прежнего либерализма, сжигает свои парламенты и ломает свои машины... она не может переносить больше сияние реализма, наблюдение действительности. Ей необходима показная декорация... Мы же, союзники революционного пролетариата, собравшись по борьбе, должны отбросить эту обманчивую видимость, мы ждем всего от раскрытия действительности. Нам нечего скрывать и поэтому мы принимаем как радостную весть лозунг советской литературы — социалистический реализм».⁶

«С кем фактически всякий реализм? — для Арагона история Франции и ее литература ясно показывает это. С поднимающимся классом, с классом, для которого действительность его великое дело, с классом, который воплощает в рассматриваемый период историческое будущее человечества».⁷ Как судьбы культуры и литературы в целом, так и дальнейшее развитие реализма после победы Великого Октября тесно связаны с рабочим классом, его жизнью, борьбой, идеологией, историческими целями, с существованием в мире первой страны социализма. Но мало, говорят Арагон, признать это, мало прославлять новый мир, нужно суметь поставить ремесло писателя «с самым сокровенным в нем» на службу новому миру, чтобы он победил и во Франции.

Это означает, что должна возникнуть «действительно социалистическая литература». Социальной базой для нее является «новое общество, победившее в СССР и рождающееся в борьбе и у нас и во всем мире»,⁸ революционная борьба за социализм во Франции. Арагону ясно: осуществление этой задачи требует писателя нового типа.

Первый съезд советских писателей во многих отношениях был открытием для Арагона и других передовых писателей Франции. Они убедились и в том, что в СССР уже сложился новый тип писателя, процесс формирования которого, его черты и осмысляет теперь Арагон. Настоящие писатели всегда были инженерами человеческих душ — воспитателями людей — подчеркивает он. Арагон приводит признание Г. Димитрова о

⁶ Aragon, Pour un réalisme socialiste. Paris, 1935, pp. 85—86.

⁷ Там же, стр. 73.

⁸ Там же, стр. 55.

влиянии на воспитание в нем революционного борца образа Рахметова у Чернышевского. «Подобное заявление; — восклицает Арагон, — освещает историю литературы, оно дает писателям их истинную цель!»⁹

В нашу эпоху целью литературы стало формирование социалистического человека, «человека завтрашнего дня», воспитание в массах революционного сознания. Но воспитывать новое сознание в людях, показать рождение нового человека писатель может лишь став сам новым человеком. Ему надо выйти из изоляции, на которую обрекает его капитализм, активно участвовать в борьбе народных масс, в революционном преобразовании мира, овладеть «чудесной наукой перевоспитания человека». «Беспрецедентный пример» общественной «переквалификации» писателей дает советская литература. Путь многих дореволюционных русских писателей, до того как они стали советскими писателями, был долог, труден, противоречив. Лучшие писатели мира неизбежно пойдут этим путем, вне которого только рутинная, тупиковая Арагон ссылается также на пример своей эволюции.

Тем, кто утверждал, что обращенное к массам искусство перестает быть эстетической ценностью, Арагон предлагал задуматься над творчеством Маяковского и антифашистского художника Хартфильда. (Речь «Джон Хартфильд и революционная красота»). «Джон Хартфильд умеет в наше время отдать должное прекрасному. . . Он умеет создавать правдивые образы нашей жизни и нашей борьбы, которые волнуют и захватывают миллионы людей и являются частью этой жизни и этой борьбы. Его искусство — искусство по Ленину, так как оно — оружие в революционной борьбе пролетариата».¹⁰ Искусство для масс — в этом Арагон твердо убежден — подлинное искусство, требующее от художника высокого мастерства. Творцы искусства пойдут новым путем — «с разнообразными орудиями их гения».¹¹

Арагон убеждает честных писателей в «хрупкости» индивидуалистических позиций, критикует и разоблачает различные проявления индивидуализма в литературе и в эстетических концепциях.

Особое внимание уделяет он буржуазно-анархическому индивидуализму, крайним выражением которого во французской литературе был сюрреализм.

В. И. Ленин настойчиво подчеркивал, что социалистическая литература может быть создана только в противовес буржуазному индивидуализму, что она должна быть свободна не только от капитала и карьеризма, но и от буржуазно-анархического индивидуализма. Барбюс и П. Вайан-Кутюрье были непримиримыми противниками индивидуализма. Арагон следует за ними и в этом. Однако в оценке сюрреализма Арагон не был еще достаточно последователен. Между тем, окончательное разоблачение сюрреализма как псевдоноваторского и псевдоревolutionного течения в литературе, было очень актуальным. Сюрреалисты были самыми активными и открытыми противниками всякого реализма, тем более социалистического. Именно в связи с разветыванием борьбы за «литературу завтрашнего дня», идеолог сюрреализма Бретон клеветнически писал в феврале 1937 года: «Мы отбрасываем, как ошибочную, концепцию «социалистического реализма», которая навязывает художнику, исключая все другое, живописание нищеты пролетариата и борьбы, предпринятой им для своего освобождения».¹²

⁹ Арагон, Pour un réalisme socialiste, pp 12—13.

¹⁰ Там же, стр. 45.

¹¹ Там же, стр. 14.

¹² Bréton, A., Limites non frontières du surréalisme. „La nouvelle revue française”, 1937, février, p. 207.

Арагон показал буржуазную природу сюрреализма, высмеял его «революционную» фразеологию. Он говорил, что в группе сюрреалистов были доведены до карикатуры все существеннейшие черты носителей буржуазной культуры. И в то же время он ошибочно считал, что в произведениях сюрреалистов выражен, хотя и путанно, революционный аспект действительности.

Как можно заметить, Арагон часто обращается к примеру советской литературы, хорошо понимая интернациональное значение исторического опыта первой в мире социалистической литературы.

«Ничего нет желательнее углубленного изучения жизни, методов советских писателей, их произведений. Нет ничего более полезного для французских писателей. Потому что сегодня история Маяковского, Пастернака и сотни других более плодотворна для размышления, чем творчество Рембо и его бегство в Харар, какими бы они ни были выдающимися».¹³ Маяковский, по словам Арагона, был первым звеном в цепи, соединившей его с действительностью. Маяковский слился с революцией, с массами, сделал из поэзии оружие. Он показывает писателям путь к миллионам мужчин и женщин, которые «переделают этот мир».

«Опыт писателей СССР для всех настоящих писателей — основополагающий опыт литературы завтрашнего дня. Из этого опыта и из критически воспринятого наследства, которые мы получаем от писателей прошлого, рождается литература завтрашнего дня. Наши товарищи из СССР определили ее метод — социалистический реализм. Чего же мы ждем, чтобы применить это новое оружие?»¹⁴ — заключает Арагон.

Нельзя не заметить, однако, что Арагон здесь еще несколько схематически трактует международное значение исторического опыта советской литературы: он еще недостаточно ясно выделяет как основополагающую для становления социалистической литературы во Франции часть этого опыта, методологическую сторону.

Итак, мы видим теперь, что понятие: «возвращение к действительности» у Арагона очень содержательно и многозначно.

Во-первых, — это обращение писателя к современной действительности, со всеми ее социальными противоречиями, классовой борьбой, с ее историческими тенденциями.

Во-вторых, — это понимание, чего требует сегодня действительность, история от писателя — бороться вместе с рабочим классом, трудящимися массами за освобождение их от эксплуатации, за революционную перестройку общества.

В-третьих, — это обращение к реализму — социалистическому реализму, сегодня именно он дает возможность художественно правдиво показать жизнь в ее революционном развитии.

Диалектического характера призыва «возвратиться к действительности» явно не поняла Г. Д. Булаховская,¹⁵ которая видит Арагона «на путях к социалистическому реализму» только с 40-х годов.

Вопрос о культурном наследстве, взаимоотношении традиций и новаторства стоял для Арагона особенно остро. Еще недавно он подходил к нему с неправильных, нигилистических по отношению к наследству позиций крайнего буржуазного модернизма. «Традиция и изобретение были для меня... словами непримиримо противоположными».¹⁶ Рассматриваемые выступления Арагона свидетельствуют о том, что он утвердился

¹³ Арагон, Pour un réalisme socialiste, p. 26.

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ Г. Д. Булаховская, Проза Луи Арагона как литературный вклад в дело борьбы за мир. Диссертация, Киев, 1953.

¹⁶ Арагон, Речь на Втором международном конгрессе писателей. «Интернациональная литература», 1937, 12, стр. 186.

на новых, марксистских позициях и в этом вопросе, хотя остатки старых представлений еще проявляются, в частности, в переоценке новаторской роли ряда поэтов XX века, их значения для будущей поэзии.

В речи, посвященной пятидесятилетней годовщине со дня смерти В. Гюго, Арагон подчеркивает, что для революционных писателей Гюго — живой, помогающий бороться с реакцией, строить новую культуру. Его творчество дает урок реализма.

Гюго особенно близок современности своей книгой «Возмездие». ««Возмездие» — это решительное нет, брошенное раз навсегда людям, которые убеждены, что реализм и поэзия несовместимы. «Возмездие»? Я скажу больше, я скажу то, что может шокировать некоторых: это предвосхищение, в поэзии, того, что наши советские друзья называли социалистическим реализмом. Я знаю какое преувеличение есть в подобном выражении. Однако то, что придает ценность реализму «Возмездия» — это — стихи, которые обретают всю свою силу и свои корни в жизни, ... и поэтому его творчество сохраняет подобную актуальность».¹⁷

Арагон был прав, подчеркивая исключительную актуальность гражданской поэзии Гюго. В годы Сопrotивления она оказалась важнейшим элементом живой традиции национальной поэзии, на основе которой возник новый реалистический стих. Обращение к этой традиции помогло Арагону стать «поэтом родины», сборниками «Паноптикум» и «Французская заря» начать линию социалистического реализма во французской поэзии.

В речи на Парижском конгрессе писателей Арагон ставит вопрос в широком плане: «что должно быть взято в больших творческих движениях, предшествовавших нам?» и отвечает: «это то, что они содержат в себе реалистического».¹⁸

«Социалистический реализм или революционный романтизм — два названия одного явления, — заключал он несколько дальше, — в нем соединяются Золя «Жерминаля» и Гюго «Возмездия». Для того, чтобы этот синтез оказался возможен, необходимо было сокрушение капитала и победа социалистической экономики на одной шестой части земного шара».¹⁹

Таким образом, Арагон, подобно Барбюсу и Вайяну-Кутюрье утверждает, что новая литература возникает на основе предшествующей литературы. При этом неизбежен процесс критического освоения всего прогрессивного, и отрицания, преодоления всего реакционного в ней. Новая литература должна развиваться по пути реализма, а не модернистского новаторства, не имеющего под собой реальной почвы. Словом, двинуться вперед в литературе, быть художником-новатором возможно только «возвратившись» к действительности и к плодотворным традициям литературы прошлого. Эта позиция решительно противостояла и реакционному буржуазному подходу к наследству, и нигилизму модернистов, и «пролеткультурским» тенденциям.

В середине 30-х годов борьба революционных писателей Франции в защиту культуры, в свете ленинских принципов, приобретает последовательный, диалектический характер: сохранять и защищать культурное наследство — означает для них развивать его дальше.

В книге Барбюса «Золя» и в сборнике «За социалистический реализм» упоминаются Золя и Гюго, как важнейшие предшественники нового реализма и не говорится о таких величайших художниках критического реализма как Стендаль и Бальзак. В чем тут дело? Овладение культурным наследством — это процесс длительный, противоречивый и не прямолиней-

¹⁷ A r a g o n, Pour un réalisme socialiste, pp. 65—66.

¹⁸ Там же, стр. 73.

¹⁹ Там же, стр. 86.

ный, он неотделим от становления новой литературы. По мере развития практики и теории социалистического реализма происходят все более расширяющееся освоение литературы прошлого, ее историко-теоретическое осмысление. Причем оно зависит также от конкретно-исторических задач, встающих перед литературой на данном историческом этапе.

В творчестве Золя и Гюго Барбюс и Арагон находили то, что было в это время особенно созвучно устремлениям революционных писателей: поиски научного метода, изображение народных масс, пролетариата — у Золя, реализм стиха и гражданский пафос — у Гюго. В годы Сопротивления Арагон обратился к эпосу и другим жанрам национально-патриотической поэзии, в послевоенные годы его особое внимание привлек своим историзмом и раскрытием психологии людей в тесной связи с социальной средой Стендаль.

В книге «За социалистический реализм» еще много незрелого и непоследовательного. Есть и ошибки. Это связано и с пережитками буржуазной идеологии у автора, с его недостаточной идейной зрелостью (некоторые вопросы разрешены у Барбюса, Вайяна-Кутюрье более четко и последовательно). Но в основном это являлось следствием того, что борьба за социалистический реализм еще только начиналась во Франции, творческий опыт освоения социалистического реализма был еще очень невелик и противоречив. Отсюда — некоторая абстрактность в постановке ряда вопросов, — Арагон не связывает их с примерами творческой практики современных прогрессивных писателей Франции. Не выделено, не подчеркнуто у Арагона, что единственной идейно-философской, научной основой социалистического реализма является марксизм, в чем, прежде всего, выражается принципиальное, качественное отличие нового реализма, от всего предшествующего.

В этом и заключается одна из причин того, что, как показывают некоторые критические статьи Арагона, его оценки отдельных произведений, он еще не всегда умеет провести, если это необходимо, грань между социалистическим и критическим реализмом. (Например, девятый и десятый тома «Людей доброй воли» Ж. Ромэна, он определил как «направляющий пример социалистического реализма».)²⁰

Арагон, как можно было заметить, неоправданно отождествляет (правда, больше как термины) социалистический реализм и революционный романтизм.

Тем не менее, в книге «За социалистический реализм» им в основном правильно, творчески, жизненно подняты существеннейшие вопросы материалистической эстетики, даны плодотворные отправные точки для борьбы за социалистический реализм.

В более тесной связи с практикой прогрессивной литературы продолжается кристаллизация теоретических представлений Арагона о социалистическом реализме — в критических статьях и рецензиях Арагона, в проблемных выступлениях («В защиту французского романа» (1935), Речь на 4 конгрессе федерации работников театров (1936), в статьях о Маяковском, Роллане и Горьком).

Новый, существенный шаг в постановке проблемы социалистического реализма применительно к историческим условиям Франции наметился в публичных выступлениях Арагона в 1937 году.

Рост национального самосознания трудящихся масс и все более зрелое понимание рабочим классом и его партией своей ответственности за судьбы нации, преемственной связи своей борьбы, со всей историей французского народа ускорили переоценку ценностей в сознании Арагона. Он постигает «величие реальностей, которые мы в их целом называем на-

²⁰ А р а г о н, De Brian à Maillécottin. „L'Humanité", 1935, 8 décembre.

цией».²¹ VIII съезд ФКП, доклад П. Вайяна-Кутюрье «На службе разума» (на пленуме ЦК ФКП в 1936 году), «который синтезировал все элементы позиции партии по отношению к интеллигенции»²², помогли Арагону глубоко и полно осознать органическую связь борьбы за новую литературу с прошлым и настоящим нации и национальной культуры, сущность культурной традиции Франции.

«Мне партия дала живую суть отчизны,
Спасибо, партия, за грозный твой урок»,²³

писал Арагон впоследствии.

На развитие мысли и творчества Арагона, как и других передовых писателей, воздействовали и события в Испании, приковавшие внимание всего прогрессивного человечества. «Думайте только об Испании»²⁴ — писал Арагон. Это значило думать и о судьбах Франции и ее культуры.

Одним словом, в сознании Арагона и в его чувствах сливаются в органическом единстве национальное и интернациональное, пламенный патриотизм и пролетарский интернационализм. Борьба в защиту культуры, за новый реализм приобретает отныне для Арагона также и характер борьбы за национальную независимость Франции, без которой нет пути к социализму.

В речи на Втором международном конгрессе писателей в защиту культуры (1937), Арагон, продолжая разговор о социалистическом реализме, выдвигает как важнейшую задачу «противопоставить лженационалистам реальность наций, подымать нацию тех, кто трудится». В связи с этим надо глубоко осознать механизм преемственности от прошлого к будущему в литературе — связать создание социалистической литературы с национальной почвой, с историческими судьбами своего народа. Близость к народу обогатит художника, разовьет его оригинальное дарование. Арагон подчеркивает, что обновлением своего творчества он обязан рабочему классу. Совершенно очевидно, что для Арагона в современных условиях понятия «национальное» и «народное» тождественны. «... Я исполнен уверенности, которая выработана всем моим существованием и теми спорами, которые я вел с моей страной, с моим народом; в вашей стране, в вашем народе заложены корни вашего искусства, вашего языка, вашей мысли, культуры, которую вы выковываете: ... Ищите в живых источниках вашего народа глубокое вдохновение, которое, служа выражению нации, выразит и вас самих и благодаря которому ваше творчество будет не вспышкой индивидуального таланта, а проявлением человеческого гения, потому что оно будет проникнуто национальной, народной реальностью».²⁵

Намеченные в речи тезисы получили дальнейшее развитие в публичной лекции «Реализм социалистический и реализм французский» (октябрь 1937 г.).

В основных положениях доклада нашли преломление начавшиеся в то время складываться у руководства Компартии представления о национальном своеобразии пути Франции к социализму. Синтетическая формула Вайяна-Кутюрье «Мы продолжаем Францию» получила у Арагона развитие применительно к искусству и литературе.

²¹ Арагон, Речь на Втором международном конгрессе писателей. «Интернациональная литература», 1937, 12, стр. 184.

²² M. Varloot, Le Parti communiste, les intellectuels et la nation, „La nouvelle critique“, 1950, décembre, p. 46.

²³ Арагон, «Поэт обращается к партии», Перев. Антокольского, в кн. Гражданская поэзия Франции, М., 1955, стр. 287.

²⁴ Арагон, Ne rêvez plus qu'à l'Espagne. „Europe“, 1936, 15 novembre.

²⁵ Арагон, Речь на Втором международном конгрессе писателей. «Интернациональная литература», 1937, 12, стр. 187.

В названии лекции, предупреждает автор, не следует видеть противопоставление одного реализма другому. Цель ее — «показать, что во Франции можно достичь первого только на пути второго». Доклад Арагона — это ответ тем, кто иногда заблуждаясь, а чаще сознательно фальсифицируя истину, утверждает, что социалистический реализм чисто советское явление, что он невозможен в капиталистической стране, несовместим с духом и традициями национальной литературы Франции, словом, не открывает никаких перспектив перед французскими писателями, кроме слепого подражания советским. В то же время он полемически заострен против схематизма в понимании происхождения и природы нового метода, против механического использования опыта советской литературы.

Арагон разъясняет историческую обусловленность возникновения социалистического реализма впервые в России. Он саркастически замечает, что речь идет не о копировании советских романов, «так как реалист ищет модели не в книгах, а в жизни».²⁶

Обращаясь к истории искусства и литературы во Франции, Арагон прослеживает в общих чертах процесс развития национального реалистического искусства, в борьбе со всем, что было в искусстве чуждого жизни, истине и историческим интересам нации. «Каждый раз, когда вы отворачиваетесь от действительности, — резюмирует он, — вы отворачиваетесь от Франции».²⁷

Арагон настойчиво, как человек уяснивший истину на собственном опыте, провозглашает историческую необходимость для литературы научного познания настоящего и прошлого своей нации, своего народа в интересах социалистического будущего. «Чтобы познать мир, надо сначала познать свою собственную страну. Это объект того, что я называю французским реализмом». Многие скажут, продолжает Арагон, что он оставил концепцию социалистического реализма ради некоей «националистической» концепции. Большое заблуждение: «Ведь социалистический реализм требует познания действительности, чтобы ее изменить. И поэтому, во Франции, в 1937 году, он предполагает французский реализм. Французский реализм — это победа, которой наши писатели и художники на протяжении веков отдали лучшее, что имели в себе; это — увенчание прогрессивной мысли Франции; и писатели и художники действительно представляющие сегодня нашу страну, хотя бы они того или нет, не отвернутся от него».

«Социалистический реализм обретет в каждой стране... свой универсальный характер, только пустив корни в конкретную национальную действительность».²⁸

Некоторые формулировки и термины Арагона непривычны, хотя это и не мешает, в общем, понять его главную мысль: социалистический реализм должен быть закономерным результатом развития национальной литературы. Дальнейшее новаторское развитие реализма, сложившегося на национальной почве в связи со всей историей французского народа, в современных национальных конкретно-исторических условиях и будет процессом рождения социалистического реализма. Социалистический реализм — качественно новая ступень развития национального реализма со всей его спецификой.

Как и реализм прошлого, социалистический реализм уходит своими корнями в национальную действительность. Но он органичнее и по-новому

²⁶ Арагон, *Réalisme socialiste et réalisme français*. „Europe”, 1938, 15 mars, p. 291.

²⁷ Там же, стр. 297.

²⁸ Там же, стр. 302.

связан с жизнью и борьбой народа, с национальными судьбами. Подчеркнем, что этот аспект концепции нового реализма — а именно, генетическая связь его с национальной почвой и национальной литературной традицией и вытекающее отсюда национальное своеобразие его — получил в дальнейшем у Арагона наиболее плодотворное и глубокое развитие по сравнению с другими его теоретиками.

*

Что надо отметить в заключение?

В 30-е годы во Франции в первую очередь писателями-коммунистами уяснено и затем теоретически обосновано, что социалистический реализм отвечает историческим потребностям дальнейшего развития французской литературы, закономерно наследует и продолжает ее лучшие, животворные традиции.

Для Арагона в особенности, новый реализм был не только генеральной перспективой «литературы завтрашнего дня», но и стоял «в порядке дня». В этом пафос его идейно-теоретической борьбы: не ждать, ковать новое творческое оружие, необходимое сегодня рабочему классу, народу. Он старается осуществить это в своей художественной практике.

Арагон не противопоставлял социалистическую литературу остальной прогрессивной литературе. Имея в виду ее качественное отличие от последней, — определенное прежде всего открытой связью с делом рабочего класса, — Арагон в то же время рассматривает ее в условиях капитализма как высшую ступень развития всей современной прогрессивной литературы, как ее литературный авангард. Эта плодотворная позиция, противостояла политическому и литературному сектанству, которое еще не было окончательно преодолено в рядах революционных писателей.

В то же время Арагон не всегда проводит необходимую грань между социалистическим и современным критическим реализмом.

В 30-е годы происходит «расчистка почвы» для новой литературы, определяются пути ее становления. И, наконец, закладываются основы концепции социалистического реализма, речь идет о нем как «методе и технике литературного творчества, как об эстетике и этике»²⁹ социалистической литературы.

Сам художественный метод, его черты, особенности, в частности национально-исторические, не могли еще быть достаточно конкретно охарактеризованы ни у Арагона, ни у других писателей и критиков — практический опыт на национальной почве был еще мал.

30-е годы — начальный этап идейно-теоретической борьбы за социалистический реализм во Франции. Включившись в борьбу за новую литературу, начатую Барбюсом и П. Вайяном-Кутюрье, Арагон внес свое в постановку и решение вопросов социалистического реализма, в частности, органически связал новый реализм с национальной почвой, национальной традицией, судьбами нации.

Ранние теоретические выступления и критические статьи Арагона оказались крепкой, выдержавшей испытание временем, основой для послевоенных работ и выступлений писателя (связанных в той или иной степени с проблемой социалистического реализма), представляющих в совокупности ценный вклад в теорию социалистического реализма. Идеино-теоретическая подготовка Арагона в 30-е годы сыграла огромную роль в дальнейшем творческом развитии писателя в период Сопrotивления и в

²⁹ М. Горький, Сочинения, т. 30, стр. 381.

послевоенные годы в создании им национальной эпопеи — романа «Коммунисты», с его зрелым социалистическим реализмом.

В свете реальной идейно-теоретической борьбы за социалистический реализм — как важной части его становления в прогрессивной литературе Франции в 30-е годы — попытка А. Илличевского³⁰ ввести понятие революционного метода как переходного от критического к социалистическому реализму представляется явно искусственной и несостоятельной.

*Институт языка и литературы
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
9 XI 1956

LOUIS ARAGON VÕITLUSES SOTSIALISTLIKU REALISMI EEST (1934—1939)

I. Solomõkov

Resüme

Prantsusmaal 30-ndate aastate keskpaiku aset leidnud tööliikumise tõusu tingimustes, kui Prantsusmaa Kommunistliku Partei poolt innustatud töötava rahva hulgas ja progressiivne intelligents võitlesid fašismivastase rahvarinde loomise eest, algas ka ideelis-teoreetiline võitlus sotsialistliku realismi probleemi ümber. Selles väljendus progressiivsete jõudude suurim järjekindlus rahvusliku kirjanduse kaitsmisel ja õitsengule viimisel. Võitluses kodanliku esteetika teooria vastu kujunes H. Barbusse'i, P. Vaillant-Couturier', L. Aragoni, L. Moussinac'i, R. Rolland'i ja J. Fréville'i jõupingutusel uue realismi kontseptsioon.

Käesolevas artiklis käsitletakse Prantsusmaal sotsialistliku realismi teooria edasiarendamisel olulist osa etendanud Louis Aragoni põhilisi teoreetilisi arusaamasi sotsialistlikust realismist neil aastail.

Teatavasti toimus 30-ndate aastate algul Aragoni loomingus põhiline murrang. Ta võttis omaks marksismi ideoloogilised seisukohad ja asus realismi teele. Põhiteguriks, mis kujundas kiiresti välja kirjaniku revolutsioonilise maailmavaate, tema vaadete ja tegevuse parteilisuse ning vastavalt uued tõekspidamised esteetikas, oli võitlus, mida ta pidas koos tööliiklasega kommunistliku partei juhtimisel. Olles üheks progressiivse ajakirja „La Commune” ja organisatsiooni „Maisons de culture” juhtivaks tegelaseks, esinedes publitsisti ja kriitikuna, pidas Aragon igapäevast võitlust kogu ausalt mõtleva intelligentsi koondamiseks tööliiklasi ümber ning eesrindliku kultuuri kaitseks ja edasiarendamiseks.

Aragoni kui uut tüüpi kirjaniku kiiret kujunemist soodustas see mõju, mida talle avaldasid P. Vaillant-Couturier', H. Barbusse'i ja R. Rolland'i ideed ja looming ning nõukogude kirjanduse eeskujud. Pärast nõukogude kirjanike I kongressi sai Aragonist sotsialistliku realismi veendunud eestvõitleja ja propageerija.

Ettekannetes, mis on avaldatud kogumikus „Sotsialistliku realismi eest” („Pour un réalisme socialiste”, 1935), käsitleb Aragon esteetika põhiprobleeme, nagu kirjandus ja kaasaegne tegelikkus, kirjaniku osa ühiskonnas, kultuuripäränd, traditsioonid ja novaatorlus ja muidugi ka realism. Ta püüab neid seletada marksismi seisukohast lähitundes ja näidata, et nende küsimuste objektiivse lahenduse annab sotsialistlik realism, kuid tal puudub veel uue kunstimeetodi selge ja järjekindel kontseptsioon.

Aragon paljastab reaktsioonilist kodanlikku kirjandust ja näitab, et modernistlike, sealhulgas ka sürrealistlike kirjanike pretensioonid „revolutsioonilistele” uuendustele kirjanduses ei ole kuidagi põhjendatud. Ta tunnistab, et olevik nõuab „tagasipöördumist tegelikkuse juurde”, kapitalismi poolt kirjanduse ja elu, kirjaniku ja rahva vahele tekitatud lõhe ületamist. Sellest sõltub nii kirjanduse kui ka tema kunstiliste vahendite edasine arenemine.

Et täita tänapäeval oma ühiskondlikku missiooni — olla inimhingede inseneriks —, peab kirjanik saama revolutsiooniliseks võitlejaks ning asuma realismi teele. See rea-

³⁰ А. Илличевский, О методе современной революционной литературы капиталистических стран. Киев, 1954.

lism, mis vastab maailma sotsialistlikuks ümberkujundamise eest peetava võitluse nõuetele, on sotsialistlik realism, mille määranagu on andnud nõukogude kirjanikud. Uue kirjanduse tekkimise sotsiaalseks baasiks kodanlikul Prantsusmaal on revolutsiooniline liikumine. Aragon seob uue realismi tekkimise rahvusliku kirjanduspärandi progressiivsete traditsioonide edasise arenguga, eriti aga V. Hugo ja E. Zola realistlike traditsioonidega.

Suurt tähtsust omistab Aragon nende kogemuste uurimisele, mida on pakkunud sotsialistliku kirjanduse arenemine Nõukogude Liidus.

Sotsialistlik realism pole Aragonile ainult „homse päeva kirjanduse” peamiseks perspektiiviks Prantsusmaal. Mitte ootama jääda, vaid luua uut kunstirelva! — selles seisab tema esinemiste paatos. Ta märgib neis edukalt ja põhijoontes õigesti lähtekohad uue meetodi omandamiseks loominguilises praktikas ning sotsialistliku realismi esteetika kujundamiseks.

1937. aastal toimunud II rahvusvahelisel kirjanike kongressil peetud kõnes ja samal aastal asetleidnud avalikus loengus teemal „Sotsialistlik realism ja prantsuse realism” süveneb ning rikastub Aragoni kontseptsioon tunduvalt, muuseas ühenduses sellega, et tema poolt kultuuri kaitseks ja uue realismi eest peetav võitlus omandab üha enam ka Prantsusmaa rahvusliku iseseisvuse eest peetava võitluse iseloomu. Neis esinemistes on Aragoni tähelepanu keskpunktis sotsialistliku kirjanduse ja uue realismi orgaaniline seos rahvuse saatuse ja rahvusliku kultuuri traditsiooniga.

Tõelise kirjaniku looming, keel ja mõtted juurduvad rahvuslikus pinnases, rahvas. Kirjanik peab oma loomingulise jõu ammutama rahvast, peab olema tema ootuste ja lootuste väljendajaks. Ainult siis, kui kirjaniku looming on „läbi imunud rahvuslikust ja rahvalikust reaalsusest”, on ta üheaegselt nii rahvuslikuks nähtuseks kui ka kirjaniku isikupära väljenduseks. Rahvuslik ja rahvalik tähendab Aragonile ühte ja sedasama. See määrab tema suhtumise kaasaegsesse ja minevikust pärinevasse kirjandusse.

Oma teises ettekandes arendas Aragon edasi Vaillant-Couturier' tuntud vormelit „Meie viime edasi Prantsusmaad”. Tema peamine mõte seisab selles, et sotsialistlik realism on rahvusliku kirjanduse arenemise seaduspärane tulemus. See on rahvusliku realismi arenemise kvalitatiivselt uus aste sotsialismi eest peetava võitluse eppohhil. See oli Aragoni vastus neile, kes väitsid, et sotsialistlik realism on ainult Nõukogude Liidule omane, ja ka neile, kes mehaaniliselt tahtsid nõukogude kirjanduse kogemusi üle kanda prantsuse oludesse.

Aragoni varajasemad esinemised teoreetilistes küsimustes olid aluseks sellele tõsi- sele panusele, mida ta sõjajärgsel perioodil andis sotsialistliku realismi teooria arendamisel; nad etendasid hiiglasuurt osa kirjaniku enda loomingu edasises arenemisel. Tänapäeval on neil seisukohtadel mitte ainult ajalooline, vaid suurel määral ka aktuaalne väärtus.

Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Keele ja Kirjanduse Instituut

Saabus toimetusse
9. XI 1956

LOUIS ARAGON EN LUTTE POUR LE RÉALISME SOCIALISTE (1934—1939)

I. Solomykov

Résumé

Dans les conditions de la montée du mouvement ouvrier et de l'intensification de la lutte des masses et des intellectuels progressistes pour la création d'un Front populaire antifasciste, inspirée par le Parti communiste français, dans les années trente, un combat d'idées s'engage en France autour du problème du réalisme socialiste. Ce combat exprimait un degré supérieur du mouvement des forces progressistes pour la défense et le développement ultérieur de la littérature nationale. En combattant les théories esthétiques bourgeoises, grâce aux efforts de H. Barbusse, P. Vaillant-Couturier, L. Aragon, L. Moussinac, R. Rolland, J. Fréville, il se force la conception du nouveau réalisme.

L'essai présente à pour but d'examiner les principales notions théoriques de Louis Aragon sur le réalisme socialiste pour la période donnée, vu que c'est Aragon qui a essentiellement contribué au développement de la théorie du réalisme socialiste en France.

On sait qu'au commencement des années trente un changement radical se manifeste dans l'œuvre de Louis Aragon. Il se base sur les positions idéologiques marxistes et s'engage dans la voie du réalisme. La formation de la conception du monde révolution-

naire, de l'esprit du parti et des nouveaux points de vue esthétiques d'Aragon provient de la lutte sociale, à laquelle il participait avec la classe ouvrière sous la direction immédiate du Parti communiste. Publiciste et critique, un des dirigeants du journal progressiste „La Commune” et de l'organisation des „Maisons de culture”. Aragon combat perpétuellement pour réunir les intellectuels honnêtes autour de la classe ouvrière, afin de défendre la culture progressiste.

La transformation rapide d'Aragon en écrivain d'un type nouveau était stimulée par l'influence des idées et de l'oeuvre de P. Vaillant-Couturier, de H. Barbusse et de R. Rolland, ainsi que par l'exemple de la littérature soviétique. A la suite du Premier congrès des écrivains soviétiques, Aragon devient champion et propagandiste convaincu du réalisme socialiste.

Dans les discours et messages du recueil „Pour un réalisme socialiste” (1935) il n'y a qu'une ébauche de la nouvelle méthode d'art. S'occupant des problèmes esthétiques cardinaux: la littérature et la vie, le rôle social de l'écrivain, l'héritage culturel, la tradition et l'esprit novateur, et, bien entendu, le réalisme — il tend à les interpréter du point de vue marxiste, à démontrer que ces problèmes vont trouver leur solution objective dans le réalisme socialiste.

Il démasque la littérature réactionnaire bourgeoise, révèle le manque de fondement de la prétention des écrivains-modernistes, y compris les surréalistes, d'être les novateurs révolutionnaires dans la littérature.

Aragon déclare que l'époque actuelle exige „le retour à la réalité”. Il est indispensable de rétablir le lien entre la littérature et la vie, l'écrivain et le peuple, — rompu par le régime capitaliste.

Pour accomplir sa mission sociale d'aujourd'hui — pour être ingénieur des âmes — l'écrivain doit être militant et prendre la voie du réalisme. Le réalisme socialiste, dont la définition a été donnée par les écrivains soviétiques, est un réalisme qui répond en fait aux nécessités de la lutte pour la transformation du monde. La base sociale pour une littérature nouvelle existe en France bourgeoise — c'est le mouvement révolutionnaire. Aragon unit aussi la formation du nouveau réalisme au développement ultérieur des traditions progressistes de la littérature nationale, particulièrement des traditions réalistes de V. Hugo et de Zola.

Il attache beaucoup d'importance aux études de l'expérience de la littérature socialiste en URSS.

Pour Aragon le réalisme socialiste n'est pas seulement la perspective générale de la littérature française de demain. Ne pas attendre, forger de nouvelles armes créatrices — c'est en cela que consiste le pathos de ses discours.

Il y désigne exactement les points de départ nécessaires pour s'assimiler la nouvelle méthode en pratique et pour former l'esthétique du réalisme socialiste.

Le discours fait au Second congrès international des écrivains (1937) et la conférence: „Réalisme socialiste et réalisme français” (1937) prouvent que la conception de l'auteur s'est approfondie et enrichie, particulièrement grâce au fait que le combat d'Aragon pour la culture et le nouveau réalisme prend de plus en plus le caractère de lutte pour l'indépendance nationale de la France. L'attention principale d'Aragon est dirigée sur le lien organique entre la littérature socialiste, ainsi que le nouveau réalisme, et le sol national, la destinée de la Nation et la tradition culturelle nationale.

L'oeuvre, le langage et les idées d'un véritable écrivain puisent toute leur force et leur racine dans le sol national et le peuple. Toute sa puissance créatrice doit provenir du peuple, l'écrivain doit être le porte-parole des espérances du peuple. C'est uniquement dans le cas, où l'écrivain est pénétré d'une réalité nationale et populaire, que son génie créateur parviendra à exprimer l'esprit national et sa personnalité artistique. Pour Aragon „national” et „populaire” sont des synonymes. Cette conception détermine son attitude envers la littérature contemporaine et celle du passé.

Dans son second discours, Aragon développe la formule bien connue de Vaillant-Couturier: „Nous continuons la France”. Son idée principale c'est que le réalisme socialiste se présente comme résultat conforme aux lois de l'évolution de la littérature nationale. Il représente un nouveau degré qualitatif de l'évolution du réalisme national à l'époque donnée de la lutte pour le socialisme. Par cela Aragon répond à ceux qui prétendaient que le réalisme socialiste est un phénomène purement soviétique, ainsi qu'à ceux qui se bornaient à transplanter mécaniquement en France l'expérience de la littérature soviétique.

Les premiers travaux théoriques de Louis Aragon ont été le point de départ de sa contribution d'après-guerre à la théorie du réalisme socialiste, et ils ont joué un rôle énorme dans le développement ultérieur de son oeuvre. Aujourd'hui ces travaux représentent non seulement un intérêt historique, mais ils ont aussi sous beaucoup de rapports une importance actuelle.